

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
16—18 июня 2016

ПРИРОДООХРАННАЯ ПОЛИТИКА И ЧИСТЫЕ ТЕХНОЛОГИИ —
ВЛОЖЕНИЯ В БУДУЩЕЕ

16 июня 2016 г., 10:15—11:30

Павильон F, Конференц-зал F3

Санкт-Петербург, Россия

2016

Модератор:

Мария Моргун, Главный редактор, телеканал «Живая планета»; телеведущая, корреспондент, ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания» (ВГТРК)

Выступающие:

Оливье Адам, Заместитель директора, Региональное бюро по странам Европы и СНГ, Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)

Кристиан Фриис Бак, Исполнительный секретарь, Европейская экономическая комиссия, Организация Объединенных Наций (ООН)

Елена Безденежных, Вице-президент — статс-секретарь, руководитель блока взаимодействия с органами власти и управления, ПАО «ГМК «Норильский никель»

Виктор Вексельберг, Сопредседатель совета, президент, Фонд «Сколково»

Сергей Донской, Министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации

Сергей Иванов, Руководитель Администрации Президента Российской Федерации

Елена Лазько, Партнер, руководитель программы «Зеленая повестка», Deloitte

Жан-Паскаль Трикуар, Председатель совета директоров, главный исполнительный директор, Schneider Electric

Денис Храмов, Заместитель председателя правления, ОАО «НОВАТЭК»

Участники дискуссии:

Павел Кабат, Генеральный директор, главный исполнительный директор, International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA)

Кристиан Кауфманн, Старшее должностное лицо по финансовой деятельности в России, Украине и Беларуси, Unilever

Евгений Шварц, Директор по природоохранной политике, Всемирный фонд дикой природы (WWF) России

М. Моргун:

Доброе утро, дамы и господа. Спасибо тем, кто пришел. Многие участвовали сегодня в утреннем марафоне, и не все смогли заставить себя встать после вечерних мероприятий.

Девиз юбилейного, уже двадцатого Петербургского международного экономического форума — «На пороге новой экономической реальности». Очевидно и неизбежно, что эта реальность связана с внедрением «зеленых» технологий. Россия пока пытается догнать европейских и других соседей, которые мчатся на высокой скорости в сторону «зеленого» будущего и «зеленой» экономики. Надеемся, что в ближайшей перспективе она их догонит.

Учитывая, что мы собрались на площадке бизнес-обсуждений, я предлагаю поговорить о переходе к зеленой экономике, к безвредным и выгодным технологиям, о том, как привлечь бизнес, пользуясь опытом зарубежных коллег и поддержкой государства. Также мы вспомним о новой государственной политике в области экологической безопасности. Правительство России уже дало поручение — к 2019 году проработать механизмы поддержки предприятий, внедряющих технологии для уменьшения загрязнения окружающей среды. Отечественная промышленность должна начать переход на так называемые наилучшие доступные технологии, причем поддержать рекомендовано не только тех, кто будет такие технологии внедрять, но и тех, кто готов их производить на территории России. Обо всем этом мы сейчас поговорим. Представлю вам участников дискуссии.

Сергей Иванов, руководитель Администрации Президента Российской Федерации, председатель оргкомитета Года экологии (2017), а также глава Наблюдательного совета АНО «Дальневосточные леопарды».

Сергей Донской, министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

Виктор Вексельберг, председатель Совета директоров группы компаний «Ренова», президент фонда «Сколково».

Кристиан Фриис Бак, исполнительный секретарь Европейской экономической комиссии, ООН.

Денис Храмов, заместитель Председателя Правления ОАО «НОВАТЭК».

Елена Лазыко, партнер Deloitte, руководитель программы «Зеленая повестка».

Жан-Паскаль Трикуар, Председатель и главный исполнительный директор Schneider Electric.

Елена Безденежных, вице-президент и статс-секретарь, руководитель блока взаимодействия с органами власти и управления ГК «Норильский никель».

Также мы ждем бежавшего марафон и теперь, видимо, задерживающегося в пробке Адама Оливье, заместителя директора Регионального бюро ПРООН по странам Европы и СНГ.

Мой первый вопрос будет адресован Сергею Борисовичу Иванову: в чем состоит стратегия внедрения так называемых наилучших доступных технологий? Когда и как, учитывая постепенность внедрения, «зеленые» технологии в отечественной промышленности и новейшие технологии в области переработки отходов, с которыми у нас в стране большие проблемы, станут пропорциональным ответом на текущие глобально-экономические вызовы, с которыми мы сталкиваемся?

С. Иванов:

Спасибо. Прежде всего хочу поприветствовать всех участников нашей панели, как иностранных гостей, приехавших к нам на Форум, в том числе для обсуждения проблем охраны природы и внедрения соответствующих технологий, так и россиян, которые в первую очередь должны этим заниматься. Многие иностранные компании уже обращались ко мне с

конкретными предложениями по внедрению технологий, в частности компании из северных стран, где экология давно и прочно находится на лидирующих позициях. И нам есть, где применять эти технологии, в том числе в Ленинградской области и в Санкт-Петербурге.

Тема бережного отношения к природе все чаще поднимается на крупных деловых форумах. Фактически это означает, что бизнес проявляет все больший интерес к экологичным и энергоэффективным проектам и рассматривает заботу об окружающей среде как неотъемлемую часть своего собственного корпоративного имиджа. Сейчас каждая крупная компания в мире, вкладывая средства в природоохранные мероприятия, одновременно, как говорят в узких кругах, «занимается пиаром» для продвижения собственного бренда и доказательства своей социальной ответственности и заботы об охране окружающей среды. И это совершенно нормально. Любая крупная компания должна заботиться о своем будущем и повышать конкурентоспособность, а вложения в эффективные, ресурсосберегающие и энергосберегающие технологии — это и есть проявление конкурентоспособности. Я уверен, что рост конкурентных возможностей российской экономики, ее модернизация напрямую связаны с повышением энергоэффективности производств, сбережением ресурсов и снижением нагрузки на окружающую среду, с переходом на национальную модель «зеленого роста».

Буду самокритичен: у нас этой модели пока нет, она только начинает вырабатываться, но, как говорится, дорогу осилит идущий. Нам надо как можно скорее начинать двигаться по этому пути. Решением Президента РФ 2017 год объявлен Годом экологии, но мне бы не хотелось, чтобы у вас сложилось впечатление, будто мы начали задумываться о проблемах окружающей среды только по этой причине. Уже в 2014 году был принят ряд новых законов, связанных с охраной окружающей среды и мотивацией промышленности к внедрению современных технологий. Первый закон

обеспечивает создание новой системы нормирования на основе внедрения наилучших доступных технологий, а второй закон создает основу для стимулирующего развития бизнес-среды в области обращения с отходами.

К сожалению, в обращении с отходами нам нечем похвастаться. Признаю открыто, что в России до сих пор нет ни одного современного мусороперерабатывающего завода. То есть такого завода, который не просто перерабатывает бытовой мусор, а производит на его основе либо электроэнергию, либо тепло. В мире таких заводов множество. Несколько лет назад я был в Стокгольме, и меня сильно удивил тот факт, что в городе с населением в два миллиона, с суровым климатом, очень похожим на наш, не используется ни одного грамма топлива для обогрева. Все тепло вырабатывается за счет собственного мусора. Вот к чему надо стремиться.

Проблема в том, что тепло или электроэнергия, вырабатываемые на сырье из бытового мусора, как минимум в пять раз дороже, чем тепло или электроэнергия, вырабатываемые классическими ТЭЦ. Один выход в мире уже найден – это так называемый «зеленый тариф», по которому государство или рынок электроэнергии дотируют стоимость вырабатываемого тепла или электроэнергии. Я уже проводил на эту тему совещание в Кремле. Было решено, что надо начинать с Подмосковья, потому что только один город Москва ежегодно производит 30 миллионов тонн бытовых непромышленных отходов. Классических полигонов для захоронения мусора в Подмосковье уже не осталось, а те, что есть, уже переполнены. Поэтому возникают криминальные проблемы, когда мусор вываливается в близлежащих подмосковных лесах и на нелегальных свалках. Надо сказать, что сфера обращения с отходами сильно криминализована не только в России.

План Года экологии уже утвержден, но мы не собираемся ждать 1 января 2017 года. Конечно, за этот год мы не решим все экологические проблемы России, но мы сделаем первые шаги к их решению и обратим внимание

общественности на загрязнение среды, на леса и воду, на качество продуктов питания.

Я убежден, что рынок экологически чистых продуктов питания имеет огромный потенциал, несмотря на все экономические трудности и снижение доходов населения. Чего стоит, например, один китайский рынок. А ведь там уже сформировался спрос на экологически чистые мясные и рыбные продукты, в том числе из России — недавно мне об этом рассказывали в Пекине. Повторю: это огромный потенциал.

Люди все больше обращают внимание на то, что они едят, и это хорошо. У них должен возникать естественный интерес к экологически чистым натуральным продуктам без всяких примесей. Я выступаю не за запрет, условно говоря, пальмового масла, а за то, чтобы потребитель, покупая продукт, имел право выбора: более дешевый молочный продукт с пальмовым маслом или продукт только с более качественными растительными жирами, но подороже. Пусть человек сам выбирает. В конце концов, это и есть рынок.

Вернемся к теме природоохранных технологий. У нас уже есть ряд компаний, готовых к внедрению технологий. Я знаю, что компании «Ренова» и «Норильский никель» планируют вложиться в модернизацию производства в области водоохраны.

Бюджет Года экологии будет формироваться на следующих принципах: 10—15% — бюджетные средства, 80—85% — средства компаний.

На этом я заканчиваю свое выступление, чтобы дать возможность высказаться другим участникам панели.

М. Моргун:

Большое спасибо. Прежде чем передать слово Сергею Донскому, я задам еще один вопрос Сергею Борисовичу Иванову. Вчера у нас состоялся разговор о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской

Федерации, и Игорь Евгеньевич Левитин задумался о том, что природные ресурсы и экология — это разные сферы деятельности. Главная задача экологии — заботиться о жизни и здоровье наших граждан. Может быть, стоит развести эти сферы деятельности?

С. Иванов:

Вы предлагаете переименовать министерство?

М. Моргун:

Поступило предложение разделить министерство на два.

С. Иванов:

Я сомневаюсь, что это предложение высказал Игорь Левитин — я его много лет знаю, к тому же он работает не в Правительстве, а в Администрации. Я думаю, он озвучил то, что слышал на различных площадках, в том числе от самих экологов. В связи с этим предложением у меня возникает один простой вопрос: сколько это будет стоить? По опыту знаю, что переименование милиции в полицию стоило Министерству внутренних дел больше 1 миллиарда рублей. Разве у нас нет других забот? На мой взгляд, эти деньги лучше вложить в те же мусороперерабатывающие заводы. Я люблю и уважаю экологов и сам занимаюсь экологическими проблемами в свободное от работы время: защищаю дальневосточных леопардов, которые находятся на грани исчезновения. Когда я участвовал в работе организации ООН по защите окружающей среды (UNEP), штаб-квартира которой расположена в Найроби, у меня был доступ к информации об экологических движениях мира. Я волонтер пришел к выводу, что экология часто является просто прикрытием для решения совершенно других, не связанных с экологией, задач. End of story.

М. Моргун:

Спасибо, вернемся к обсуждению нашей темы. Вопрос к Сергею Ефимовичу Донскому: какую стратегию по привлечению инвестиций в новые экологические технологии выберет Министерство природных ресурсов и экологии? Как в текущих условиях привлечь «зеленые инвестиции»? Сергей Борисович Иванов перечислил целый ряд существующих проблем. Когда бизнес будет готов их решать?

С. Донской:

Спасибо. Для начала я хотел бы поблагодарить всех, кто принимает участие в нашей дискуссии, кто обращает внимание на экологию, на охрану окружающей среды. В вопросе о гипотетической реструктуризации Министерства я соглашусь с Сергеем Борисовичем. Природные ресурсы и экология взаимосвязаны, и разделять их — значит выносить за скобки принятие решений о том, где и как добывать ресурсы, при помощи каких технологий. Даже поставив экологию на первое место, мы в любом случае должны учитывать то влияние, которое работа по добыче и использованию природных ресурсов оказывает на окружающую среду. Кроме того, от перемены мест слагаемых мало что изменится.

Теперь о сегодняшней повестке дня. Присутствие в программе Форума экологической темы уже говорит о многом. Мы впервые обсуждаем эту тему на таком уровне, что свидетельствует о внимании правительства и государства к экологической проблематике. Более того, соответствие принципам устойчивого развития стало ключевым фактором при подготовке стратегических документов. Все экологи знают, что в 2012 году Президентом РФ был принят документ об основах экологической политики РФ до 2030 года: в нем были определены стратегические направления, в которых Россия будет двигаться в течение ближайших 15 лет. При подготовке этого документа мы использовали наилучший опыт

природоохранного регулирования. Мы не только определили главную стратегию в сфере экологии, но и поняли, какие инвестиции нужно стимулировать, какие вопросы решать в первую очередь.

Россия занимает особое место в мире: она располагает не только колоссальными запасами минеральных, лесных, водных ресурсов, но и обладает огромным запасом экосистемной прочности. Все это дает нам уникальные конкурентные преимущества перед другими странами, поэтому очевидно, что такое положение России в мире создает условия для выбора собственной модели «зеленой» экономики. Основной упор в ней должен быть сделан на ресурсосбережение, повышение показателей эффективности использования природных ресурсов и развитие рынка экосистемных услуг. Это не значит, что Россия должна отказаться от стимулирования развития других направлений, например альтернативной энергетики.

Только сегодня утром я слушал очень интересную дискуссию на деловом завтраке как раз об альтернативной энергетике: мнения разделились, было очень любопытно. Альтернативная энергетика вызывает сегодня живой интерес. Всемирные инвестиции в возобновляемую энергетику в 2014 году составили более 270 миллиардов долларов: с 2004 года они выросли в 6 раз. Наибольшая доля инвестиций здесь приходится на Китай, Европу и США. В России портфель инвестиционных проектов в сфере возобновляемых источников энергии к началу 2015 составил более 100 миллиардов рублей, и это лишь стартовые значения.

Почему я делаю акцент на этой теме? В России это направление активно развивается, хотя, может быть, и не такими темпами, как за рубежом. До 2025 года мы планируем привлечь в эту отрасль огромные деньги — над этим работают наши коллеги из других ведомств. Мы тоже участвуем в этой работе: Министерство природных ресурсов и экологии совместно с Министерством энергетики готовят различные документы, чтобы

стимулировать инвестиции. Планируется привлечь в отрасль более 3,5 триллионов рублей. Тем не менее мы считаем, что основным драйвером роста экологической эффективности российской экономики является именно снижение удельных показателей использования природных ресурсов на единицу ВВП. То есть развитие «зеленых» инновационных технологий рынка экосистемных услуг.

Формирование «зеленой» экономики требует создания соответствующих институциональных условий, мер экономического стимулирования, модернизации предприятий и привлечения технологий, а также спроса на экологические услуги. Я бы также хотел подчеркнуть, что с 2012 года, с момента принятия основ экологической политики, о которых я говорил выше, принято более 60 федеральных законов и 180 подзаконных актов по разным направлениям, стимулирующим и внедрение наилучших экологических технологий, и так называемых НДТ, о которых говорил Сергей Борисович Иванов, и внесение изменений в закон об отходах. Все это, естественно, направлено на то, чтобы в ближайшее время — речь идет о нескольких годах — мы начали масштабную модернизацию.

Я перешел к разговору о конкретных решениях, в частности, о законе о внедрении НДТ, и хотел бы подчеркнуть: мы понимаем, что модернизация российской промышленности потребует значительных инвестиций. Мы проводили общественные слушания и опрашивали представителей бизнеса, когда готовили этот закон. По этим экспертным оценкам, затраты на модернизацию составят от 1,5 до 2 % ВВП ежегодно. Это огромные цифры.

Сегодня в России затраты на проекты в природоохранной сфере составляют около 0,8% от ВВП — это меньше, чем в странах ЕЭС, где давно перешли на эти рельсы. Поэтому в развитие закона об НДТ с 2016 года введен ряд экономических стимулов для предприятий — речь идет о льготах по оплате за негативное воздействие на окружающую среду,

налоговой льготе в рамках инвестиционных проектов и инвестиционных кредитов. А с 2019 года введен дополнительный коэффициент амортизации для оборудования, которое будет соответствовать наилучшим доступным технологиям. Также хотел бы подчеркнуть, что внедрение НДТ направлено не только на снижение антропогенного воздействия, но и на формирование современных конкурентных условий производственной базы нашей экономики. НДТ входят в зону ответственности наших коллег в правительстве, и они тоже активно участвуют в этой работе. В частности, уже в этом году в рамках соответствующей госпрограммы выделено 20 миллиардов рублей для предоставления российским фондам технологического развития льготных займов для промышленных предприятий, реализующих проекты по внедрению НДТ. Это также обеспечит создание более 10 000 квалифицированных рабочих мест на тех предприятиях, которые перейдут на наилучшие доступные технологии.

Теперь я хотел бы сказать несколько слов о законе об отходах производства и потребления. При подготовке поправки 2014 года в данный закон мы закладывали принцип расширенной ответственности производителя. Идея состоит в том, что утилизацией отходов должны заниматься сами производители. Мы взяли этот принцип из зарубежного опыта тех стран, где утилизация, оборот и вовлечение отходов во вторичное использование хорошо развиты, и постарались адаптировать его к российским условиям.

Сегодня производители и импортеры товаров вправе самостоятельно выбрать: утилизировать отходы или оплатить экологический сбор. Во втором случае переработкой и утилизацией отходов будет заниматься государство. Ставки такого сбора утверждены Правительством в апреле текущего года.

В число обязательных для утилизации товаров мы включили основную часть твердых бытовых отходов — бумагу, полимеры, текстиль и многое

другое, что в первую очередь попадает в твердые коммунальные отходы (ТКО), которые образуются у населения.

Потребности в инвестициях для создания объектов инфраструктуры отрасли переработки отходов на ближайшую трехлетку приблизительно оцениваются в 150 миллиардов рублей. Эти инвестиции уже приходят в отрасль. По оценкам наших коллег из Росстата, тоже изучающих перспективы развития, этой отрасли необходимо в 100 раз больше инвестиций для того, чтобы отходы перерабатывались в полном объеме. Расширение сектора переработки вторичного сырья приведет к ежегодному росту количества рабочих мест примерно на 10 000. Так что к 2020 году мы ожидаем около 100 000 новых занятых в этой отрасли.

Что касается инвестиций: сегодня в мире государственная поддержка «зеленых инноваций» осуществляется в основном в форме прямых грантов на исследования и научные разработки. Одним из действующих инструментов стимулирования спроса на «зеленые технологии» является внедрение «зеленых стандартов». Государственные компании и корпорации должны взять на себя обязательство осуществлять закупки в соответствии с принципами экологической ответственности. Хочу отметить, что подготовка нефинансовой отчетности наряду с годовыми отчетами компаниями государственного сектора сегодня достаточно формальна. На мой взгляд, полноценное выполнение поручения привело бы к внедрению предприятиями «зеленых закупок». Среди наиболее эффективных механизмов привлечения финансирования модернизации оборудования и технологий следует назвать «зеленые облигации» и банковское проектное финансирование. Эти инструменты сейчас широко используются, рынок «зеленых облигаций» вырос в 10 раз.

В завершение я бы хотел подчеркнуть, что сейчас готовится концепция перехода Российской Федерации к «зеленой экономике». Один из ключевых шагов — это создание Российского банка «зеленых инвестиций»

(окончательное решение будет принято в 2017 году). Это будет действенный инструмент внедрения «зеленых технологий» в нашу промышленность и помощь компаниям, которые начнут переходить на НДТ. В условиях санкций и ограничения доступа к финансам и технологиям это важнейший вектор развития России. Спасибо за внимание.

М. Моргун:

Большое спасибо. Прошу всех коллег стремиться к краткости, потому что сегодня президентский день, и время нашей сессии подходит к концу.

Я предлагаю дать слово бизнесу. Мой следующий вопрос для Виктора Феликсовича Вексельберга. Компания «Хевел», которая принадлежит группе «Ренова» и «РОСНАНО», пионер в области солнечной энергетики, планирует к 2018 году построить в России солнечные фермы стоимостью 450 миллионов долларов. По замыслу «Хевел», это позволит разгрузить региональные электросети. Вы рассматриваете этот проект как инвестицию в светлое «зеленое» будущее? Когда вы рассчитываете закупить фермы, то есть насколько это будущее далеко от нас?

В. Вексельберг:

Спасибо. Прежде чем перейти к ответу на вопрос, касающийся производства, я скажу два слова по поводу альтернативной энергетики: как я вижу ситуацию в мире и у нас в стране. Мы традиционно недооцениваем роль и место альтернативной энергетики в общем энергетическом балансе, который складывается на сегодняшний день. У нас широко распространена традиционная российская привычка наступать на грабли. В свое время мы точно так же игнорировали ситуацию с шельфовым газом, говорили, что ничего не произойдет, но сегодняшнее положение вещей на традиционных рынках энергоносителей показывает, что все не так однозначно.

Я приведу несколько цифр, чтобы вы понимали, на каком этапе мы находимся. По итогам 2015 года во всем мире — и я думаю, что это усредненный показатель, — введено 164 ГВт электроэнергии на альтернативных источниках и 110 ГВт на традиционных источниках. То есть уже сегодня объем общей генерации, которая вводится в мире, больше, чем объем генерации на традиционных источниках — нефти, газе, угле и так далее. В прошлом году в альтернативные источники энергетики было вложено 329 миллиардов долларов инвестиций. Это значительно больше той суммы, которая была вложена в традиционные источники. Часто говорят, что альтернативные источники энергии неконкурентны по отношению к традиционным. Да, на сегодня это так, но тренд постепенно меняется. За последние пять лет себестоимость производства электроэнергии в солнечной генерации снизилась практически в два раза, при этом себестоимость производства в традиционных источниках остается приблизительно на тех же уровнях.

В ближайшие 3—5 лет нас ожидает снижение себестоимости производства электроэнергии на 40—50%. Если взять экономические показатели по полному жизненному циклу генерации, базирующейся на альтернативных и традиционных источниках, то сегодня солнечная генерация абсолютно точно конкурентна по отношению к угольной. Угольная генерация стоит приблизительно 90 долларов за мегаватт-час, солнечная генерация — порядка 70 долларов, то есть это вполне сопоставимые экономические показатели с точки зрения себестоимости полного жизненного цикла источника.

Что это значит? Сегодня мир однозначно движется в сторону альтернативных источников энергии. Германия, далеко не солнечная и не очень ветреная страна, к 2025 году перейдет на альтернативные источники энергии на 50%, Индия к 2040 году — на 40%, Китай — на 20%, и таких показателей множество. Что происходит в России? По программе 2020 года

мы должны были выйти на показатель 4% от общего баланса электроэнергии, но стало понятно, что это невозможно. Если мы выйдем на показатель 1,5%, это будет большой успех. Почему так происходит?

Безусловно, в вопросе приоритета альтернативной энергетики нужно соблюдать строгий баланс интересов традиционных и новых источников генерации. Не нужно предпринимать никаких резких шагов: те инициативы, которые сегодня приняты правительством, направлены в правильную сторону. Наиболее традиционный метод поддержки альтернативной энергетики — это так называемые «зеленые тарифы», которые позволяют привлекать инвестиции в эту отрасль. При этом «зеленые тарифы» устанавливают абсолютно правильные нормы и требования: например, все производство должно быть локализовано на территории России. Это полноценный индустриальный цикл, который начинается с научных исследований, новых разработок технологии. Следующий этап — это производство солнечных, ветряных или иных генераторов. Третий и окончательный этап — строительство солнечных парков. Один такой парк уже построен в нашей стране. В этой сфере, помимо компании «Хевел», успешно работают самые разные предприятия. Можно говорить о наличии конкуренции: мы проводим тендеры на приобретение прав на строительство солнечных и ветряных генераций и знаем, о чем говорим. Инвесторы сразу видят конкретный экономический потенциал этой отрасли. Отдельно я хотел бы отметить следующее: мы традиционно забываем об интеллектуальных ресурсах академической науки и высшей школы. Многие из того, что сегодня лежит в основе ветряной и солнечной генерации, было придумано российскими учеными. Но из-за свойственных нам щедрости и неумения защищать свои интеллектуальные права и коммерциализировать разработки мы уступили лидирующие позиции в этой области. Тем не менее еще не все потеряно: разработки, которые ведутся сегодня в рамках

проекта «Сколково» и на базе индустриальных компаний, абсолютно конкурентоспособны по отношению к ведущим мировым технологиям.

Известный петербургский Физико-технический институт имени А. Ф. Иоффе является лидером во многих направлениях современной науки, в том числе в энергетике, и сегодня в рамках лабораторной деятельности его сотрудники достигли лучшего в мире показателя. Все известные установки для использования энергии ветра работают при скорости ветра 8 метров в секунду, а наши ученые разработали установки, которые могут работать при скорости ветра 4 метра в секунду, что существенно расширяет диапазон их применения.

Россия имеет протяженную береговую линию, что дает возможность применить уникальные разработки в области использования волновой энергии. Этот потенциал виден невооруженным глазом.

В заключение я хочу сказать только одно: поверьте, НДТ — это не благотворительность, не дань времени и не социальная ответственность бизнеса. Это реальный бизнес, который должен и может приносить серьезные заработки. Поэтому все наши усилия направлены на создание благоприятной среды для бизнеса. Правительство оказывает нам помощь, и я надеюсь, что мы будем последовательно двигаться в этом направлении.

М. Моргун:

Очень коротко: когда вы рассчитываете на окупаемость?

В. Вексельберг:

При «зеленом тарифе» мы предсказываем замечательную окупаемость: гарантированный возврат доходности должен составить 12—14%, фактически заехдржированный с точки зрения риска государственными тарифами, то есть государственными гарантиями. Это очень

привлекательная среда, в которой существует активная конкуренция за реализацию такого рода проектов.

М. Моргун:

Большое спасибо. Вопрос к Жану-Паскалю Трикуару, главному исполнительному директору Schneider Electric. Как работают «зеленые стратегии» в глобальных энергетических корпорациях? И насколько, на ваш взгляд, выгодно внедрение «зеленых технологий»?

J.-P. Tricoire:

Good morning to all of you and thank you for having me on this panel today. Of course, this subject is very dear to us at Schneider Electric, we just do green tech to help you be more sustainable in your consumption of energy.

I think it is important to realize that there has been more innovation in the field of energy in the past ten years than probably in the previous hundred years. So there have been tremendous changes in the world of energy.

Mr. Ivanov mentioned the circular economy: that is one aspect of it. Victor spoke a lot about renewable energies and the surge of solar in particular. The third thing to speak about is everything connected to the Internet of Things, and that includes software, driving for more efficiency.

When we speak about energy supply, which is shale gas, non-shale gas, nuclear, non-nuclear, renewable, non-renewable, all of the energy experts tell us that the cheapest, greenest, fastest way to generate energy is to save energy. I could take a worldwide example, but there was a recent study about Russia – and France would be very similar – saying that there is potential for 45% energy efficiency in Russia, so if you save 45% on non-efficient installations, then you do not need to bring online new power plants, new things, because you save, and it is good for everybody. This is a lot of money being saved.

There was even an estimation – not by me, not by Schneider, but by the World Bank – saying that to do that, you need USD 320 billion of investment, but the thing is that when you go into energy efficiency, it is like stopping smoking: you pay back your investment with the savings. So, USD 320 billion of investment, USD 80 billion a year of savings: that means in four years' time, your investment has been paid back. Today, an investment with a pay-back period of four years is a very good investment.

At the end of the day, we are just a technology company. What I can tell you is that technologies in renewables, in energy saving, based on the Internet of Things exist today.

Now, what do we need from the government to accelerate all this, because we human beings are slow to adopt change? The first things are clear signals. So, we speak about carbon pricing: every time we make a decision, it has carbon impacts, and carbon impacts have a cost. Governments need to introduce a form of tax on carbon that integrates into decisions the real price of those decisions. That is one thing. By the way, in many countries there are a lot of subsidies for fossil fuels and carbon-emitting sources, which have to be stopped immediately. We speak a lot about subsidies for renewables, but there are more subsidies for fossil fuels in the world today than for renewables. That is one thing.

The second thing is that four years' pay-back period: many customers, especially in times of crisis, will say that is too much. So, if we can find incentives through banking, through government, to finance those four years, that would be a very good thing to do, because again, after four years, it is all benefit for everybody.

The third point is standards. Take an example: when we build a building in the world today, everybody is trying to reduce the costs of construction. The only thing is that 80% of the costs of the building happen after it is commissioned, and a large part of that is energy consumption. So, let us put in standards that say that no building today should have a consumption of more than 50 kilowatt hours per year per square metre. It does not make sense to build anything else.

The fourth point is education. We have to train people in those new technologies, because we speak about solar, we speak about energy efficiency, we speak about software: those technologies were not here five years ago, and we are not training architects, builders, and contractors in those new technologies.

So, those are the four things. At the end of the day, as Victor said, it is not about corporate social responsibility, it is about profit. It is good for companies – we at Schneider save 10% on our energy consumption every three years, which goes straight into our profits, and if you take Russia, if Russia is able to save USD 80 billion a year, this is a good thing, and all the oil and gas that we save here can be sold to other countries like France, so it is all profit for Russia.

That is what I wanted to say, simple things: the technologies are here, we just have to move. Thank you.

М. Моргун:

Большое спасибо. О нефти, газе и «зеленых технологиях» мы сейчас спросим Дениса Храмова, заместителя председателя правления ОАО «НОВАТЭК». Денис Геннадьевич, мы живем в век газа, когда снижение угольной генерации в пользу газовой — основной тренд. «НОВАТЭК» должен прекрасно себя чувствовать в таких условиях. Насколько я понимаю, ваша компания давно встала на путь внедрения зеленых технологий: одной из дочек компании «НОВАТЭК-ЮРХАРОВНЕФТЕГАЗ» на предприятии внедрена современная технология переработки углеводородов и утилизации отходов, которая полностью исключает сброс загрязняющих веществ. В компании даже есть своя экологическая премия.

Вопрос звучит так: насколько сейчас выгодно внедрение высоких технологий? Мы только что слышали о российских разработках в этой области. Вы пользуетесь этими разработками или прибегаете исключительно к зарубежному опыту?

Д. Храмов:

Большое спасибо. Я буду говорить об экологических вызовах для энергетических компаний и рассмотрю эту проблему с двух точек зрения: с использованием макроподхода и микроподхода, то есть проиллюстрирую свою мысль на конкретном примере.

Итак, макроподход. Вообще необходимостью обсуждать экологические проблемы мы обязаны одному единственному фактору: постоянно возрастающей потребности человечества в энергии. За последние 50 лет эта потребность выросла в 3,5 раза и продолжает расти. В совокупности человечество потребляет порядка 13 млрд тонн нефтяного эквивалента из различных источников. Рассмотрим подробнее этот энергобаланс. Треть составляет нефть, треть — уголь, 25% — газ, остальные 15% делят между собой гидроэнергетика, атомная энергетика, возобновляемые источники энергии.

Конечно, возобновляемые источники — это развивающийся тренд, и понятно, почему все государства, включая наше, отдают предпочтение именно ему. Но это долгосрочный проект, требующий серьезных вложений. Как тем временем быть с всевозрастающим спросом? Какое топливо кидать в топку растущих экономик?

С точки зрения «Новатэка» альтернативы природному газу как топливу, с одной стороны, экологически чистому, а с другой, эффективному, просто нет. Почему газ? Его много. Доказанных резервов газа — 180 триллионов кубометров по всему миру, и это резервы только традиционного газа, не считая сланцевый газ, метаноугольные пласты, газогидраты. Во-вторых, газ — это чисто. Использование газа взамен угля — это минус 20% углекислого газа, минус 100% оксида серы, минус 90% оксида азота. В-третьих, газ — это доступно. Неминуемо уходят в прошлое времена, когда использование газа подразумевало трубопровод диаметром 1400 миллиметров, соединяющий страны и континенты. Сейчас используются новые формы

для поставки дешевой энергии посредством газа в разные страны, которые прежде не имели доступа к этой энергии.

В связи с этим флагманский проект «НОВАТЭК» на Ямале — «Ямал СПГ» — это, конечно, способ доставки энергии всему человечеству. Он уже почти наполовину готов. С самого начала мы дали себе слово все делать правильно: практически сразу внедрились очень серьезные управленческие стандарты, ввели систему экологического менеджмента, систему управления вопросами охраны окружающей среды. Один из основных стандартов — это использование принципов наилучших доступных технологий. Как это работает? НДТ находят свои отражения в тех технологических решениях, которые сейчас применяются на площадке. Во-первых, для минимизации выбросов парниковых газов и их воздействия на климат используются процедуры удаления углекислого газа системой автоматизированного управления и контроля выбросов. Любые стоки, любые выбросы обязательно доводятся до рыбохозяйственных стандартов. Мы достигли больших успехов: мало того, что мы убрали всю территорию, на которой сейчас развивается проект, но и продолжаем это делать в отношении всех прилегающих к площадке строительства территорий. Также разработана и введена система переработки отходов: буровой шлам перерабатывается в буровой раствор. Это раствор на углеводородной основе — после обработки он снова запускается в специальную установку, где углеводороды и другой материал, который используется для строительства и для отсыпки грунтов, отделяются друг от друга. Углеводородная основа снова идет в работу. Этот цикл все время повторяется. Производительность данной установки составляет 36 500 тонн.

Мы пристально следим за тем, чтобы реализация такого масштабного проекта — только сейчас там работают 12 000 человек — оказывала минимальное воздействие на хрупкую природу Арктики.

М. Моргун:

Извините, я вас перебую — мы пытаемся уложиться в отведенное время. Скажите, пожалуйста, вы используете зарубежные или российские технологии и когда вы надеетесь окупить затраты на них?

Д. Храмов:

Наши затраты на производство технологии — это затраты целого технологического операционного цикла проекта. Мы используем технологии, разработанные российскими природоохранными институтами, и наилучшие доступные западные технологии, в частности разработанные компаниями BASF и Hammermills. В качестве примера я хотел бы привести отечественные технологии надзора за моржами и изучением белых медведей, которые применяются в процессе непосредственной операционной деятельности судов. Конечно, проект окупаемый, и он, без сомнения, вернет наши вложения в экологические технологии.

М. Моргун:

Большое спасибо. У нас в зале присутствует Кристиан Фриис Бак, исполнительный секретарь Европейской экономической комиссии ООН. Я напомним, что Европейская экономическая комиссия ООН занимается разработкой систем оценки окружающей среды в европейском регионе и содействует смягчению последствий изменения климата посредством внедрения долгосрочной международной конвенции по загрязнению воздуха. Я хочу вас спросить: насколько долгосрочные стратегии экологической безопасности и экологической политики сейчас разработаны в Европе? Дело в том, что буквально накануне в одной из рабочих групп, посвященной вопросам экологии, звучали полярные мнения относительно того, насколько долгосрочной должна быть такая стратегия. Кто-то говорит, что она должна быть разработана на максимально долгий срок, на

десятилетия вперед, кто-то — что ее невозможно просчитать больше, чем на три года вперед. Что подсказывает ваш опыт?

C. Friis Bach:

Thank you, and thank you for a fascinating panel discussion, I have really enjoyed listening to the interventions.

20 or 30 years is the strategy for the UN right now, because we have the Sustainable Development Goals that unite us: historic, visionary goals, and they deal with all the aspects that we are tackling in this panel as well.

But I would also just say that in Batumi, Georgia, all of the environment ministers from our region met for the Environment for Europe Ministerial Conference; the key topic was the green economy. The good message coming out of this conference was not only a lot of action from countries – they came with all the ideas on how we can change to a green economy – but also that the green economy is a stronger economy. It is an economy that creates more wealth and more jobs, and good jobs, and green jobs, and clean jobs.

That was the strong message coming from the Ministerial Conference that we just held last week.

A good example is air pollution, which was the other key topic. Air pollution still kills around 500,000 to 600,000 people in Europe every year. They die early because of air pollution. This is a tremendous cost to our economy. People get sick, they do not come to work, it is a huge cost on our health systems, and it causes severe damage to our crops, our fields, our forests.

If you calculate all of that together, air pollution is costing 2–5% of our GDP. So by tackling air pollution – and you can tackle climate action at the same time – you can create more and good jobs, and you can also create a stronger economy. It has an economic benefit here.

We have to calculate these things together. We host the Air Convention, and the Air Convention has worked for 30 years and brought down air pollution levels:

you all live on average one year longer today than you did 30 years ago because of the efforts of the Air Convention on air pollution.

But there is so much more to gain here, and we have to calculate it into our environmental policies and into our investment projects.

We also host the Espoo Convention on Strategic Environmental Assessment and Environmental Impact Assessment, and that allows you to calculate health benefits and environmental benefits into your strategic policies and into your investment projects. By doing that, you get a different picture, and you get better and stronger decisions, and you move towards a green economy.

I think we have heard so many good arguments here for why it works, and we have also heard from Mr. Ivanov the great investments made now in renewable energy; we have heard that solar panels are now actually competitive with fossil fuels, and a big analysis has just been done showing that renewable energy actually creates more jobs than similar fossil fuel solutions.

That is what our citizens want: they want jobs, and they want clean air, and they want climate action. We can get it all if we just do it together and do it with proper analysis.

That does not mean that we do not need fossil fuel. I agree with Mr. Khramov, we need gas solutions as the base solution, we need fossil fuel, and fossil fuels will be a part of the solution for decades to come. It is not that we can get rid of or should get rid of fossil fuels in the near future. But then we must create solutions that also help us to make fossil fuels carbon neutral. And they are there: the UNECE has also made recommendations to the climate negotiations on carbon capture and storage. Carbon capture and storage solutions can actually be viable and economically viable, if you look at them now, but we need to treat carbon equally, we need to develop the technologies, and we need innovative financial solutions to support carbon capture and storage. Then fossil fuels can be part of the solution in the longer term as well.

So, all this has to be there. I also agree with Mr. Tricoire, who has now left, but he said, “Get the prices right, get rid of the harmful subsidies”: those are the first two steps. “And then you have to develop standards.” That is very much what we do in UNECE: we just recently initiated a big project on energy efficiency standards in buildings with all our member states, also strongly supported by Russia, and these standards can really drive technology, because with joint standards, companies know where to invest, and consumers know what to buy. So with standards, you can really drive energy efficiency in a market, and we are developing those standards as well.

Then, in the end, we need to transform our entire energy system. Today, we see kilowatt hours as a product we buy, but it should be a service. Energy should be a service. We see it in information technology: there, we do not buy our phone, it is services we get, it is not the product we look for. Energy should be the same.

Imagine in the future, if you change the entire energy market in such a way, for instance, that when you had a new house, you did not buy a certain amount of kilowatts, you said to the company, “I just want 20 degrees on average, and I want decent light.” If you changed the market in that way, then the company that sold the energy to you would be interested in creating energy efficiency and energy-efficient lighting.

So, if you change it from a product to a service, you can change your energy market. And we can see it coming; we see it in the transport industry. We do all the standards for vehicles as well, and there we can see it coming. When you buy a Tesla car today, you buy all of the electricity at the same time, so Tesla is very interested in an energy-efficient car.

Imagine if we transformed our energy markets in that way.

So prices, subsidies, standards, and turning energy into a service are some of the key drivers of this energy revolution that we must have. Thank you very much.

М. Моргун:

Большое спасибо. В таком случае вопрос к тем, кто готов предоставлять эти услуги, например к Елене Лазько, руководителю программы «Зеленая повестка», партнеру компании Deloitte. Елена, вы много работаете с научным сообществом. Каков сейчас реальный спрос на российские разработки в области новых экологических технологий, «зеленых технологий», и есть ли, собственно, такие разработки?

Е. Лазько:

Спасибо. Спрос есть, как и разработки.

М. Моргун:

В чем же тогда дело? Почему мы не видим их на рынке?

Е. Лазько:

По классификации ОЭСР, «зеленые технологии» — это энергетика, а с альтернативной точки зрения, это энергоэффективность, множество технологий прямых экологических процессов: система мониторинга, улавливания, рекультивации и так далее. Проблема в том, что этот третий класс систем — крайне дешевый, и он не попадает под радары наших институтов развития. Ни у «ВЭБ», ни у «ВТБ» в портфеле нет «зеленых технологий», потому что они требуют проект минимум на 10 миллионов долларов, а еще лучше на 50 миллионов.

М. Моргун:

То есть наши разработки дешевле, но при этом они не конкурентоспособны?

Е. Лазько:

Они изначально дешевле. Госкорпорации, малый и средний бизнес ими не заинтересуются, потому что их нет в стратегиях. В Малайзии создан специальный механизм для поддержки «зеленых технологий», и около 500 миллионов долларов уже инвестировано. Основной критерий отбора для кредита: для покупателей — около 3 миллионов долларов и ниже, а для производителей — 15 миллионов долларов и ниже. Там есть госгарантии и прямое субсидирование ставок, но самое главное — создана большая и очень серьезная инфраструктура по обучению научного сообщества и привлечению разработчиков на рынок. У нас с этим пока складывается не очень.

Сама я училась в Физтехе. Выпускники этого вуза получили Нобелевскую премию за графен. У них есть уникальный патент на биоанализатор на основе графена. Они решили искать деньги. Мы сразу засыпали их вопросами: ищут ли они инвесторов и производителей, общаются ли с Росприроднадзором, знают ли, сколько будет стоить производство? К сожалению, у них пока не получается продать свой продукт, а ведь сама разработка очень интересная.

М. Моргун:

Не умеют продавать?

Е. Лазько:

Им это неинтересно. На выставке «ЭКОТЕХ» мы столкнулись с огромной проблемой: мы два месяца обзванивали разные институты и лаборатории, пытаюсь узнать, что у них есть. В итоге со всей России мы собрали только 24 проекта. В основном мы вели с ними такие разговоры: «Ребята, у вас есть классная компактная плазменная горелка. Вы пытались применить ее к мусору? — Нет, а что, можно было?». Или: «У нас есть очень интересный лазерный спектрометр для анализа атмосферы. — Вы приедете его

показать? — Мы написали письмо в Ростехнадзор, ответа не получили, и больше писать не будем». То есть разработчиков в принципе очень сложно уговорить что-то презентовать.

М. Моргун:

В чем, на ваш взгляд, главная проблема? В том, что научные разработки невозможно применить к рынку? Или в том, что на них недостаточный спрос?

Е. Лазько:

Спрос есть. Однако очень часто разработчики не понимают, что их изобретения могут быть применимы в сфере экологии, и не знают, как вывести свои разработки на рынок.

В. Вексельберг:

Мы их приглашаем в «Сколково». Пусть приходят — мы поможем.

Е. Лазько:

Я хочу отметить, что именно фонд «Сколково» выделил гранты тем ребятам, которые пришли к нам на «ЭКОТЕХ». Но разработок и фондов гораздо больше, и нам нужно построить между ними «мост».

М. Моргун:

Я хочу предоставить слово Елене Безденежных, вице-президенту и руководителю блока взаимодействия с органами власти и управления «Норильского никеля». Я знаю, что у вашей компании множество дорогостоящих экологических проектов: это и снижение выбросов, и минимизация отходов. Расскажите, пожалуйста, о вашем опыте внедрения

«зеленых технологий», взаимодействия с их производителями — кто они, откуда?

Е. Безденежных:

За свой восьмидесятилетний опыт работы на Крайнем Севере и в Арктике «Норильский никель» добился больших успехов на пути к «зеленым технологиям» — во всяком случае, от черных, серых и других мрачных цветов мы уже отказались.

В 2015 году мы уменьшили сброс в атмосферу диоксида серы на 15% по сравнению с 2014 годом. В наших планах уменьшить его на 85% до 2020 года. Конечно, нам еще далеко до Финляндии, где 100% отходов и мусора перерабатываются, причем на благо страны и граждан. Но мы активно работаем над тем, чтобы уменьшить выбросы. Наш таргет — это 75—80%, а то и 85%. Этого показателя мы хотим достичь путем вложения более 300 миллиардов рублей. До 2020 года мы получим 800 миллиардов инвестиций, которые в том числе предусматривают использование новых доступных технологий. Понятно, что это косвенно влияет на экологию, но все-таки влияние существует, и его нельзя недооценивать.

У нас есть «серный проект», на котором мы обкатываем свои законодательные и экономические инициативы — к счастью, они нашли отклик у государства, и сейчас мы работаем над их внедрением. Цель «серного проекта» — защита окружающей среды за счет снижения выбросов в атмосферу диоксида серы, от которых страдают не только жители заполярной зоны, но и наши зарубежные соседи. Каким же образом мы хотим снизить выбросы? Произвести серную кислоту? Проблема в том, что вывоз серной кислоты слишком дорог: на фоне падающего рынка цветных металлов этим можно заниматься только себе в убыток. Впрочем, именно так сейчас работают более 70% производителей. Мы нашли выход из положения и будем делать элементарную, или элементную серу, как ее

называют химики. Ее легко хранить, вывозить и в дальнейшем использовать в производстве. Это и есть использование отходов, о котором мы только что говорили. «Серный проект» обойдется примерно в 200 миллиардов рублей, в зависимости от того, каков будет курс рубля.

Мы изучили опыт, широко используемый в зарубежных странах: например, ускоренная амортизация по налогу на прибыль используется в Бельгии, Бразилии, Великобритании, Гонконге, Малайзии, Польше, США, ЮАР и Японии. К сожалению, в России данная мера не применяется к оборудованию, введенному, начиная с января 2014 года. Дополнительные вычеты расходов применяются в Бельгии, Бразилии, Канаде, а в России применяются в отношении НИОКР с коэффициентом 1,5. Инвестиционный налоговый вычет применяют Китай, Южная Корея, Япония, Нидерланды, Венесуэла, Люксембург, Венгрия и иные страны, а в России такая мера не применяется после 2002 года. Освобождение от косвенного налогообложения при приобретении оборудования для экологических проектов давным-давно применяется в Китае, Канаде, США, Южной Корее и даже Бразилии, а у нас данная мера ограничена по видам оборудования. В Китае также активно поддерживается природоохранная деятельность компаний за счет предоставления налоговых каникул от 3 до 5 лет. В этой связи мы обратились к нашему Правительству и Президенту с предложением о подготовке мер господдержки.

Об окупаемости этих проектов говорить еще рано, и мы о ней пока не задумывались — начали с малого.

К чему еще надо стремиться? Во-первых, к применению трехкратного повышающего коэффициента к норме амортизации к объектам природоохранного назначения. Во-вторых, к стимулированию компаний по реализации проектов путем зачета, корректировки платежей, о которой мы говорили. В-третьих, к совершенствованию закона об охране окружающей

среды, к совершенствованию налогообложения путем внесения изменений в Налоговый кодекс.

Мы приглашаем к сотрудничеству все международные организации и просим наших иностранных партнеров поделиться опытом экономической поддержки предприятий, которые внедряют экологические проекты на благо страны и государства.

М. Моргун:

Большое спасибо. Мы с вами участвовали в панельной сессии на «ЭКОТЕХе», где было множество иностранцев с большим опытом реализации экологических проектов в европейских и арабских странах. И кто-то из них высказал такую точку зрения: разговоры о том, что наши дети должны дышать чистым воздухом и пить чистую воду, — это одно, а внедрение экологических технологий — это совершенно другое. Как это ни печально, пока экологические проекты не будут приносить нам прибыль, мы не будем реализовывать их в полной мере

Е. Безденежных:

Обществом движут две вещи: жадность и страх.

М. Моргун:

Кнут и пряник.

Е. Безденежных:

В данном случае что-то должно победить.

М. Моргун:

Я передаю слово Адаму Оливье, заместителю директора Регионального бюро ПРООН по странам Европы и СНГ. Я знаю, что вы работаете в 30

регионах России и ведете около 60 проектов, в том числе по защите окружающей среды. Расскажите, пожалуйста, о приоритетах вашей деятельности.

O. Adam:

Thank you very much, Maria, and I am absolutely delighted to be on this very interesting panel.

I will just outline that we are working very closely with the rest of the UN system as UNDP in implementing and being the largest implementer of programmes in energy and environment in the world. We have multi-billion dollar projects in 166 countries.

But we are working mainly with the private sector in two areas: one is chemical waste management, and the other one, which was really outlined by Mr. Tricoire, is the area of energy efficiency. As we have heard, we can save a lot of resources by being more energy efficient.

In this region, we have invested, in the past year alone, in around USD 180 million worth of projects to improve energy efficiency for residential customers and households, and in Russia, in particular, we have been working to promote market transformation and facilitating investment in energy efficiency in the building sector and appliances. With co-financing from the Global Environment Facility and the Russian Federation, we are setting up technical regulations, compliance, and enforcement systems for energy-efficient equipment and appliances, especially in the lighting sector. We have made very substantive progress in phasing out inefficient technologies, saving energy, reducing greenhouse gas emissions, and seeing the penetration of new and innovative technology.

I would also like to take the opportunity to thank Minister Donskoy here for his leadership on our joint mainstreaming biodiversity and conservation efforts in Russia's energy sector policies and operations to support the reforms that he has

already outlined. Importantly, we are helping responsible energy companies to improve cooperation with environmental standards and monitoring. We are working with the top 10 Russian energy companies to demonstrate and accelerate the transition to best available, environmentally friendly technology in three primary energy sectors: oil and gas, coal mining, and hydropower. We support four oil and gas companies working in the Russian Arctic to develop and adapt corporate biodiversity conservation programmes. We are developing a set of case studies with successful biodiversity mainstreaming practices from the Russian coal and hydropower sectors to be presented at both the IUCN World Conservation Congress and the Convention on Biodiversity Conference of the Parties later this year.

As the UNDP, we really want to stress the important role that Russia can play in tackling these issues. We have heard some extremely good practices across here. Russia is also directly giving resources to the UNDP to support countries in the region to respond to the climate change challenge. Thank you.

М. Моргун:

Большое спасибо. У нас почти закончилось время, и я хочу дать возможность высказаться еще одному участнику – это Кристиан Кауфманн, финансовый директор компании Unilever в России, Украине и Беларуси.

Я хочу напомнить, что в России большие проблемы с утилизацией и переработкой отходов, это наше больное место. На данный момент на российских территориях накоплено 35 миллиардов тонн мусора. Все фабрики компании Unilever с начала 2015 года прекратили отправлять свои безопасные промышленные и бытовые отходы на полигоны захоронения: теперь 100% отходов отправляются на переработку и дальнейшее использование. С какими трудностями вы столкнулись, решая эту задачу? Возможно ли реализовать этот проект в нашей стране, учитывая отсутствие инфраструктуры?

C. Kaufmann:

Thank you. Yes, Unilever is trying to make sustainable living commonplace, so it is something we are trying to do in all our factories. We have 250 factories worldwide.

I came to Russia three years ago, and I think the biggest challenge is to change mindsets. The vision is clearly that we do not want to consume more than we take from the planet. Globally, everyone says, and you see when you read articles, we are consuming two times the planet at the moment. So, there is a problem, not only in Russia, it is globally.

Then, when you come to Russia and you say, "Listen, we want to make sure that our factories do not contribute by putting waste into landfill", people look at you and say, "It is not possible here." Now, here we are, it is possible. We have six factories here, and they are all not doing that any more. There was a lot of effort behind that, but it is also a signal to our people, and I think it is a signal to the industry: if you ask, you will get.

This is very much what Mr. Bach said as well: if you start asking for your house to be built differently, then you might get that as well. And we have got it.

To be fair, some of the recycling facilities we are using do not come from Russia. So there is also a great opportunity for the Russian industry. There are a lot of jobs you can potentially create in the whole chain, and there is technology out there: there is a lot of music to play here.

I take a lot of hope and our company takes a lot of hope in what you said earlier, Mr. Ivanov, about 2017 which, I believe, is the Year of Ecology here in Russia. Rostec is working on a plan, and I think companies like Unilever can contribute actively to that as well, because I think you need industry to also demand changes in the way we work from their supply chain for our better future. Thank you.

М. Моргун:

Большое спасибо. Я предлагаю подвести итог нашей дискуссии Сергею Борисовичу Иванову.

С. Иванов:

Я не буду подводить итоги, а просто выскажу несколько соображений. Мне было интересно послушать всех выступающих. В частности, был задан вопрос: бизнес должен вкладывать средства в природоохранные технологии ради светлого будущего или ради прибыли? Разумеется, ради прибыли! Как сказал Виктор Феликсович Вексельберг, отдельные направления альтернативной энергетики уже приносят прибыль хотя бы на уровне 14%, а это хороший показатель в мировом масштабе.

Представители бизнеса должны задуматься о будущем, потому что если они этого не сделают, то через 10 лет их бизнесу придет конец: конкуренты опередят. Поэтому я, говоря по-русски, сторонник использования и кнута, и пряника. В России много компаний, которые просят дать им право добровольной сертификации экологических стандартов. Я могу перечислить отрасли, которые в этом заинтересованы: морские перевозки, добыча углеводородов на шельфе, лесная промышленность, строительство.

По поводу строительства: прозвучала мысль, что энергетика для бытовых нужд должна рано или поздно стать сферой услуг. Я с этим абсолютно согласен. Потребитель должен сам определять, какая услуга ему нужна, и тогда бизнес подстроится под него.

Представитель Schneider Electric, который присутствовал в этом зале, сделал россиянам потрясающее коммерческое предложение. Он сказал: если Россия будет энергоэффективной, то на экспорт освободятся углеводороды, нефть и газ — примерно на сто миллиардов долларов. Очень интересное предложение! Надо только попросить Schneider Electric

расчистить нам мировой рынок для поставок этих излишков углеводородного сырья. Я думаю, тогда все будут счастливы, только надо поговорить с Саудовской Аравией и Катаром по поводу газа...

Мне было интересно послушать и про ученых. Я сталкивался с такими случаями, когда работал в правительстве и отвечал за хай-тек. Я прекрасно понимаю, что ученые не должны отвечать за реализацию своих разработок. Они в первую очередь — ученые, изобрели — и счастливы. К ним должна стоять очередь из представителей бизнеса, готовых решить, насколько изобретение эффективно, какую принесет отдачу. Это не задача ученых, это на сто процентов задача бизнеса. Вот, пожалуй, все. Спасибо.

М. Моргун:

Большое спасибо. К сожалению, наше время подошло к концу. Я надеюсь, что подобные встречи на темы экологии будут регулярно проходить на бизнес-площадках, в том числе на Петербургском международном экономическом форуме. Всем спасибо за участие.